

убил Кармен и прослезился

Александр Ветров станцевал в Новой Опере

ОЛЬГА ГЕРДТ

Александр Ветров, один из последних балетных эмигрантов, покинувший Большой театр в период руководства Владимира Васильева, после долгого перерыва приехал в Москву, чтобы показать в паре с балериной Ольгой Павловой два спектакля. И в том, и в другом («Кармен-сюита» и «Бонжур, Брель») Ветрова на родине никогда не видели.

Называть Ветрова эмигрантом, конечно, не совсем правильно. В Америку он попал в 1996-м, когда в Большом театре сменялись эпохи и поколения. Ни в старом, ни в новом репертуаре руководство, сменившее Григоровича, танцовщика не видели. Трудно сказать, было ли оно право, но одну из последних ролей Ветрова в Большом театре — Петруччио в балете Дж. Крэнко «Укрощение строптивой» — многие помнят до сих пор: именно тогда обнаружилось, что отнюдь не трагические герои, а комические и лирические персонажи — настоящее скрытое призвание танцовщика.

В конце этого сезона Александр Ветров приехал в Москву уже как солист (с начала следующего сезона) артистический директор Балета Арлингтона (штат Техас). Четырехлетнее отсутствие (до 1998 года танцовщик периодически приезжал в Большой, пока не закончился его контракт) сказалось: зал Новой Оперы заполнился в основном балетной и околобалетной публикой.

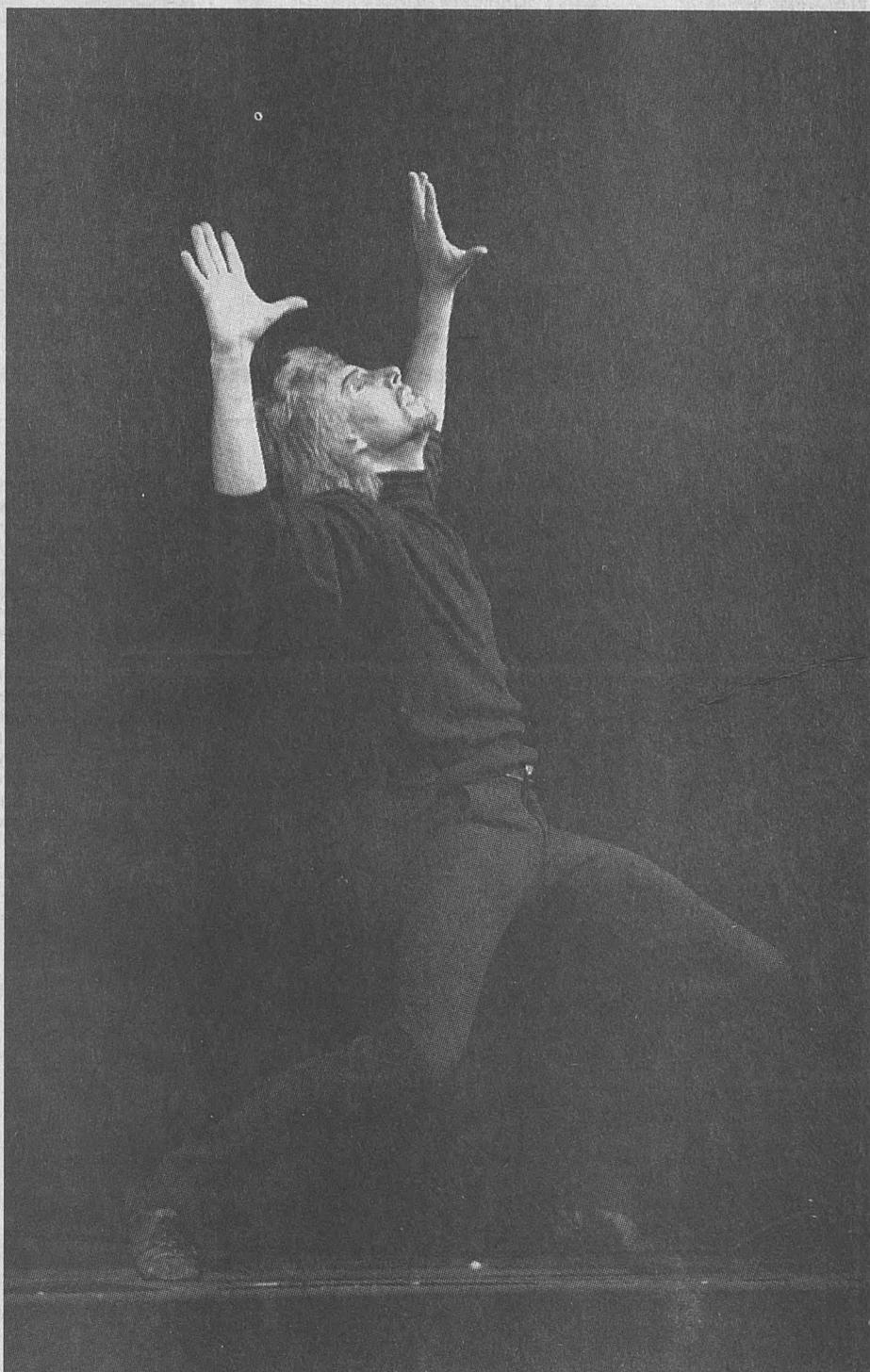
Привез Ветров два спектакля, в которых здесь его еще никогда не видели: «Кармен-сюита» Альберто Алонсо и балет «Бонжур, Брель» в постановке французского хореографа Эдди Тюссо.

Учитывая, что уехал танцовщик в возрасте, когда многие уже заканчивают карьеру, было чему удивляться. Ветров сохранил не только превосходную форму, но и священный трепет дебютанта, которому реакция публики глубоко не безразлична. В «Кармен-сюите» волнение Ветрову-Хозе мешало, но не настолько, чтобы повредить рисунку роли. Что Хозе — партия, равноценная партии Кармен, многие забыли, особенно после череды полухалтурных исполнений шлягерного балета Алонсо (на сцене той же Новой Оперы над разрушением этого балета изрядно потрудились, к примеру, Анастасия Волочкова). В том, как старательно Ветров «переживал» и толковал каждое движение своего героя, было что-то старомодное. Так, как говаривал Михаил Лавровский, — «силой духа», а не одним только мышечным напряжением, в Большом сегодня, кажется, никто уже и не танцует. В этом смысле Ветров — не только последний эмигрант, но и последний из могикан.

«Бонжур, Брель» — незатейливый и изящный балет, озвученный пятью шансонами Жака Бреля, Ветров и Павлова станцевали с еще большим трепетом: балерине пришлось разучить спектакль в рекордно короткие сроки. Легконогий рыжеволосый Ветров походил в этом балете на Пьера Ришара. По старой московской традиции, он с утрированной вы-

разительностью проговаривал все внутренние состояния своего героя, демонстрировал глубокий психологизм, прыжок и сильные вращения — что было слегка комично. Но, следуя какой-то благоприобретенной привычке, удивлял редким для русских танцовщиков вниманием к статике, паузам, простым шагам, легким пробежкам. А это было хорошо и лирично. Растроганный приемом, Вет-

ров пустил слезу уже на поклонах. После спектакля сказал: «Кажется, я счастливый — уже хотел уйти из балета и открыть школу, но вдруг меня остановили и предложили работать дальше». Трудно сказать, какого арт-директора в лице Ветрова приобрел балет Арлингтона, но Большой театр — и вечер в Новой Опере это доказал — хорошего танцовщика несколько лет назад точно потерял.

В балете «Бонжур, Брель» Александр Ветров походил на персонажей Пьера Ришара: влюбленных, грустных и смешных Фото: Игорь Захаркин/Газета